

● Гастроли Омского драматического театра

ПОСТИЖЕНИЕ ХАРАКТЕРА

ПО-НАСТОЯЩЕМУ, тонко и умно сыгранную роль всегда замечаешь сразу. Так было и на спектакле «Смерть Иоанна Грозного» у омичей. Буквально с первых минут после открытия занавеса в толпе царедворцев, неистово спорящих о кандидатуре нового государя, невольно начинал обращать внимание на невысокого седовласого боярина...

Его величали Захарьиным-Юрьевым. И по облику, по внешности своей был он, брат первой жены царя, в общем-то такой же, как все. Так же одет, так же сановит, так же горяч в пререканиях с заносчивыми властолюбцами. Разве что вот говорил Захарьян слегка «окая». А так, внешне, он, повторяю, был как все.

И тем не менее сразу угадывалось в царском родиче нечто особенное, по-человечески сложное, мимо чего никак нельзя пройти, не заинтересовавшись, не присмотревшись, не разобравшись и не поняв.

А «разобраться» и «понять» сразу как-то не удавалось. С одной стороны, Захарьян-Юрьев вроде имел право на безусловные симпатии. Он и мудрее других, и рассудительнее. И честнее, и бескорыстнее наверняка. Когда слышишь его слова о Руси, о земле русской, — веришь, нельзя не поверить, что блага государства Российского для досточтимого боярина — превыше всего. И, конечно, не из низменных, «шкурных» расчетов станет старик рисковать головой, вступаясь перед Грозным за «опальных» князей и за попавшую в немилость царю.

Других за дерзость, десятикратно меньшую, царь не раздумывая, «жаловал секирой и плахой». Но это других. Захарьяна-Юрьева самовластный, вспыльчивый и жестокий Иван...

...щадит. И не случайно, не по «везению» избегает кары брат первой жены царя. При всей своей обеспокоенности делами и судьбами российских Захарьян-Юрьев, если разобраться, не столь уж положителен и не столь уж имеет право на симпатии и сочувствие.

Чем дальше смотришь спектакль, тем яснее обнаруживаешь в его характере, взглядах, поступках «корысть». «Корысть» эта — свое доброе имя, стремление во что бы то ни стало самому «остаться чистым». А там... А там — как соизволит его величество Иван свет Васильевич. Кого казнят, кого помиляют...

Словом, о «противоборстве» с самовластием Захарьян-Юрьев и не мыслит. И потому царь позволяет себе роскошь терпеливо выслушивать заступника. И потому-то к финалу спектакля омичей мы напрочь отказываем рассудительному седовласому боярину в каких бы то ни было симпатиях. Из всех страшных образов толстовской трагедии он — один из самых страшных. Ибо быть свидетелем преступления, не принимая в нем участия, — это, при определенных условиях, — становится соучастником убийств и деспотизма. И никакие самые искренние переживания и рассуждения о благе «земли русской» не искупают, не оправдают такой вины.

Разоблачение позиции «невмешательства» Захарьяна-Юрьева в спектакле тем сильнее, что человеческий характер этого персонажа трагедии раскрыт на сцене с завидной жизненной достоверностью и правдой.

В мою задачу не входит подробный анализ достоинств и недостатков постановки «Смерть Иоанна Грозного». Но я не могу не упомянуть о той излишней мелодраматичности, гиперболлизации «страстей» и внешнего спениче-

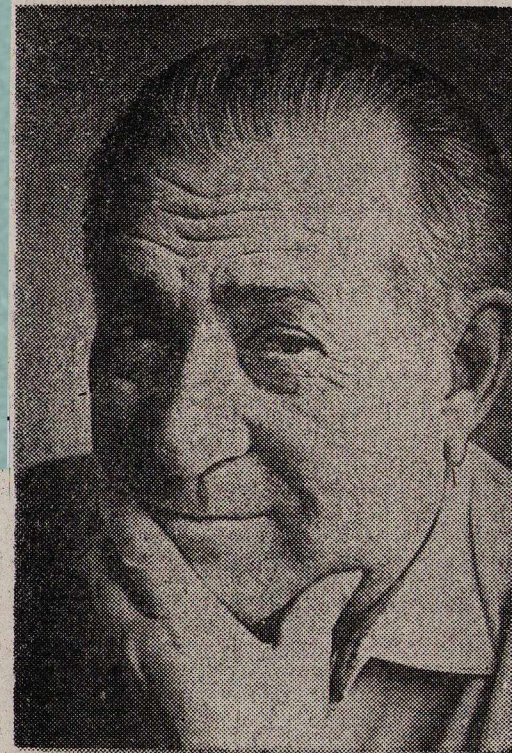
ского рисунка, которая, как мне кажется, наносит ощутимый вред социальному и философскому звучанию спектакля. Тем, стало быть, принципиальнее и значительнее успех, достигнутый в трактовке и воплощении образа Захарьяна-Юрьева артистом А. Тепловым, сумевшим избежать общего соблазна и сосредоточить силы на «главном направлении» — глубоко, многогранно, простым и предельно искренним раскрытии характера своего далеко не простого героя.

Именно поэтому и захотелось так подробно поговорить о роли, с которой началось знакомство свердловчан с одним из ведущих артистов Омского драматического театра — знакомство, которое продолжилось затем и в «Испанском священнике» Д. Флетчера, и в «Гроссмейстерском балле» И. Штемлера и Г. Гуревича, и в «Возрасте расплаты» Л. Жуховицкого, и в драме Ю. Чепурина «Мое сердце с тобой»...

Не скажу, что все эти роли запомнились и взволновали одинаково. Виной тому иной раз была не очень «солидная» драматургия. Например, при всем желании А. Теплов вряд ли когда-нибудь сможет «вдохнуть жизнь» в схематичный, информационно-поверхностный характер Федотыча, фигура которого в пьесе Жуховицкого нужна лишь постольку, поскольку восполняет некоторые чисто сюжетные пробелы пьесы...

Виной тому был иногда сам актер. Например, в «Испанском священнике» он играет Лопеса, частенько теряя чувство меры. Внешнее комикование, гримасы, падения, ряса выше колен — всему этому уделено так много места, что подумать о личности героя Флетчера просто некогда...

Нет, разумеется, были и радостные встречи:

чепуринский дед Аким, суетливый, похожий на наследку Новер в «Гроссмейстерском балле»...

И все-таки, при всех плюсах и минусах, зритель всегда видел на сцене артиста, уверенно владеющего профессиональным мастерством, способного творить увлеченно, с огоньком. Значит, с него и требовать следует больше, и спрашивать нужно строже. И думается, поэтому театр не очень-то прав, когда использует дарование актера далеко не в полную силу. Во всяком случае, меня не очень порадовало то, что из пяти встреч с А. Тепловым три были крохотными эпизодическими ролями...

Я понимаю: нет «маленьких ролей». Но я знаю также и то, что театр не в праве разминывать таланты по мелочам. Вот почему не хочется терять надежды увидеть когда-нибудь А. Теплова в Шекспире, в русской классике, в главной роли хорошей пьесы о наших современниках. Думается, надежды эти разделяет и сам актер...

Л. МАКОВКИН.

* * *

На снимке: народный артист РСФСР А. Ф. ТЕПЛОВ.

Фото А. Нагибина.

Драматический Рабочий
г. Свердловск

23 июля 1969

262